

Г. Гоштовт

**Дневник кавалерийского
офицера**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г. Гоштовт**
Дневник кавалерийского офицера / Г. Гоштовт – М.: Книга по Требованию,
2014. – 192 с.

ISBN 978-5-517-88881-5

ISBN 978-5-517-88881-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

нашихъ офицеровъ съ вокзаловъ и въ городѣ. Знанія ими повседневной полковой жизни, расписаній занятій, кто изъ офицеровъ уѣхалъ въ Петербургъ, а кто остался вечеромъ въ Гатчинѣ — изумительныя.

Родная ихъ деревенька Пижма разбросана пятнадцатю ладно скроенными бревенчатыми избами по опушкѣ болотистаго, низкорослаго, береза съ сосной, лѣса, въ 7 верстахъ отъ Гатчины. Дворы съ огородами тянутся по одну сторону дороги, а по другую — луга и пастбища; земля плоха, хлѣбъ родить слабо и потому пижменцы издавна занимаются извознымъ промысломъ. Разъ въ годъ, въ праздникъ ихъ прихода, деревня устраиваетъ пиршество. Староста Аверьянъ, накануне, съ низкими поклонами, приглашаетъ господъ офицеровъ навѣстить ихъ въ этотъ день. И много радости и гордости доставлялъ имъ тотъ, кто заѣзжалъ поздравить и выпить поднесенную чарочку за процвѣтаніе ихъ деревни.

По дорогѣ домой заѣзжаю на вокзалъ, чтобы справиться, какъ мнѣ добраться рано утромъ въ Царское, но увы, съ объявленіемъ мобилизаціи, всѣ поѣзда на Петербургъ приостановлены и способа попасть туда по желѣзной дорогѣ нѣтъ никакого. Прошу Павла отвезти меня въ своей пролеткѣ; вѣдь до Царскаго лишь 18 верстъ по шоссе. «Съ охотой, да я самъ запасной, значить, долженъ явиться, да еще одну лошадь отвести».

Послѣ такого неутѣшительнаго отвѣта, Павелъ добавляетъ, что онъ запасной унтеръ Семеновскаго полка, что любитъ свой полкъ и боится, какъ бы не получить назначеніе въ какой либо чужой. Онъ замолкаетъ, занятый своими мыслями, и не замѣчаетъ, что его конь плетется шагомъ. Потомъ неожиданно бьетъ себя ладонью по лбу, подстегиваетъ кнутомъ лошадь и вслухъ рѣшаетъ, минуя воинскаго начальника, ѣхать прямо въ казармы роднаго Семеновскаго, чтобы просить о своемъ зачисленіи въ полкъ.

Подѣзжаю къ квартирѣ въ большомъ трансѣ — какъ же я доберусь къ утру въ Царское, но здѣсь выру-

чаеть догадливость того же Павла. Онъ вспоминаетъ, что въ Гатчинѣ есть наемные автомобили и предлагаетъ отвезти меня къ ихъ собственнику. Послѣ долгихъ звонковъ, стуковъ и переговоровъ, уговариваю того доставить меня утромъ на автомобилѣ въ Царское и улаживаюсь притти для этого къ 5 часамъ утра.

Непробуднымъ сномъ спитъ, прикрывшись ставнями, тихая, мирная Гатчина — городъ семейственной, средней интеллигенціи. Сквозь щели нѣкоторыхъ ставней мерцаетъ чуть замѣтный свѣтъ отъ огоньковъ лампадокъ. Тишину и покой нарушаютъ лишь перекликающіеся пѣтухи, да шелестъ листьевъ отъ набѣгающаго предразсвѣтнаго вѣтерка.

У меня въ передней, въ присутствіи Павла, отдаю распоряженія моему деньщику Панютѣ — сложить вещи и мебель и перевезти въ собраніе; отложить по списку, мною составленному то, что надо взять въ походъ; получить въ полку вьюкъ и заводную лошадь; разложить вещи самыя необходимыя и походную кровать во вьюкъ, а остальные въ чемоданъ, сдавъ его затѣмъ въ обозъ II разряда.

Павель обѣщаетъ съ утра прислать своего младшаго брата съ телѣгой на помощь Панютѣ, затѣмъ трогательно со мною прощается, крестится и уходитъ.

Проспавъ около двухъ часовъ, окатываюсь холодной водой, выпиваю приготовленный Панютой, кофе, одѣваюсь и бреду на Соборную къ автомобилисту, носящему неблагозвучную фамилію Шпіонова. Въ его домѣ всѣ проспали. Снова звонки и стуки. Я сажусь на скамейку подлѣ собора и жду. Солнце взошло багровымъ шаромъ. Роса настолько обильна, что сапоги отъ нея мокры. Кругомъ неистовствуютъ воробьи. День обѣщаетъ быть чудеснымъ.

Черезъ полчаса качу на довольно расхлябанномъ автомобилѣ по Царскосельскому шоссе. Непрестанно гудимъ, т. к., несмотря на ранній часъ, движеніе подводитъ и пѣшеходовъ, однихъ или съ лошадьми въ поводу,

большое, — очевидно, поднятое мобилизаціей. Солнышко начинаетъ уже замѣтно припекать.

Мысли у меня безпорядочно толкутся, — въ этотъ короткій срокъ надо еще многое сдѣлать, о многомъ написать.

Подъѣзжаемъ къ Царскому. Шпіоновъ проситъ его не задерживать, — поэтому я съ нимъ расплачиваюсь и пѣшкомъ иду разыскивать Воинскаго Начальника. Нахожу его въ большомъ манежѣ, являюсь. Полковникъ даетъ мнѣ провожатаго, чтобы указать мѣсто, гдѣ работаетъ комиссія, въ составъ которой я назначенъ. Большія окна манежа пропускаютъ цѣлые потоки солнечнаго свѣта. У стѣны на опрокинутыхъ ящикахъ примостились писаря и, обмакивая кисти въ чернила, надписываютъ на картонахъ — «гвардія», «артиллерія», «саперы»... Надписанные картоны привязываютъ къ шестамъ. Видимо готовятъ ихъ для разсортировки запасныхъ по родамъ войскъ. У сосѣдней стѣны стоитъ составленный рядъ столовъ и на нихъ безконечныя кипы папокъ, въ которыхъ роются и которыя затѣмъ распредѣляютъ въ извѣстномъ порядкѣ остальные писаря, во главѣ съ роеннымъ чиновникомъ. Здѣсь же находится команда молодцоватыхъ гвардейскихъ стрѣлковъ, присланная видимо въ помощь воинскому начальнику

Передъ манежемъ цѣлое море головъ, большей частью рыжихъ или русыхъ; все запасные Царскосельскаго уѣзда. Много среди нихъ и провожающихъ бабъ. У мужиковъ веселыя возбужденныя лица, ни у одной изъ бабъ я не замѣтилъ слезинки. Подмѣчаю двѣ любопытныя подробности. Несмотря на ихъ еще мужицкій обликъ, при видѣ меня, офицера, всѣ вскакиваютъ, нѣкоторыя прикладываютъ руку къ картузу. Вторая подробность та, что запасные чухонцы съ бабами говорятъ на своемъ діалектѣ, между же собой исключительно хотя и на ломанномъ, но русскомъ языкѣ.

На Софійскомъ плацу собираютъ лошадей; здѣсь и будетъ происходить ихъ пріемка. Знакомлюсь съ членами комиссіи; ихъ четверо — членъ земской управы, два

царскосельскихъ обывателя и ветеринарный врачъ со скотобойни. Кромѣ нихъ, къ комиссіи прикомандированы два чиновника, — одинъ, какъ дѣлопроизводитель, а другой, какъ кассиръ, и одинъ полицейскій чинъ для наведенія порядка. Часа два ушло на подготовительную канцелярскую работу и на разстановку въ порядокъ лошадей; послѣднему очень мѣшали жеребцы, приведенные въ большомъ количествѣ. Постепенно стали подходить и пріемщики съ командами отъ воинскихъ частей.

Пріемка началась. Состояла она въ слѣдующемъ: по волостямъ, по подготовленнымъ уже въ мирное время вѣдомостямъ, вызывали по очереди владѣльцевъ съ ихъ лошадьми. Комиссія ихъ осматривала и рѣшала: 1) годна ли лошадь къ службѣ по состоянію здоровья и 2) если да, то къ какому классу ее отнести — упряжныхъ ли артиллерійскихъ, обозныхъ ли и какого разряда обозныхъ, кавалерійскихъ ли и многихъ другихъ. Соотвѣтственно классу и разряду, была нормирована за нее плата и владѣлецъ здѣсь-же получалъ отъ кассира соотвѣтствующую сумму, а я назначалъ лошадь въ воинскую часть, пріемщики отъ которой немедленно ее забирали. Компаньоны мои по комиссіи оказались полными профанами, ветеринарный-же врачъ необычайно тучный, съ одной ногой короче другой, страдалъ отъ жары и почти не выходилъ изъ тѣни, куда онъ пристроился со своимъ стуломъ.

На перерывъ мы пожертвовали полчаса. Все же остальное время до 8 часовъ вечера безконечной чередой проходили лошади и неослабно напряжено было мое вниманіе.

Около половины девятого, освободившись отъ работы, я уѣхалъ по Царскосельской дорогѣ въ Петербургъ. На вокзалѣ я пообѣдалъ; подававшій мнѣ пожилой лакей освѣдомился, когда я долженъ идти на войну. Узнавъ, что послѣ завтра, онъ съ такой неподдѣльной нѣжностью мнѣ пожелалъ всего добраго и съ такой искренностью произнесъ «храни васъ Господь», что меня

совершенно этимъ растрогалъ. До этой минуты я жилъ какъ бы въ будняхъ мобилизаціи — въ напряженныхъ трудахъ и заботахъ, не дававшихъ возможности ни на одинъ мигъ отвлечься мыслямъ въ сторону. При выходѣ же съ вокзала на улицу я впервые былъ совершенно захваченъ патріотическимъ подъемомъ манифестировавшаго народа. Отъ Проходныхъ казармъ, въ строю, въ пиджакахъ и картузахъ, но стараясь отбивать четко ногу, шли запасные и вмѣстѣ съ огромной толпой, ихъ окружавшей, пѣли гимнъ. Пропустивъ ихъ, я сталъ искать извозчика; они были въ этотъ вечеръ на расхватъ. Справа отъ меня стояло также нѣсколько человекъ, звавшихъ возницу. Наконецъ, одинъ появился. Ожидавшіе его, и видимо долго, вдругъ стали меня просить, чтобы я, какъ офицеръ, и потому имѣющій въ эти дни преимущество, взялъ его и ѣхалъ бы куда мнѣ нужно. Какое милое, предупредительное отношеніе!

Теперь разгаръ лѣта и изъ моихъ родныхъ въ Петербургѣ никого нѣтъ, всѣ въ деревнѣ. Я рѣшилъ переночевать на квартирѣ моего дѣда, гдѣ всегда были двѣ комнаты въ моемъ распоряженіи. Горничная Наталья, прослужившая у насъ около двадцати лѣтъ и сторожившая теперь квартиру, приготовила мнѣ постель, напоила чаемъ и обѣщала разбудить въ половинѣ пятаго утра.

Впечатлѣній за день много, мысли не даютъ покоя, но я, рѣшивъ заснуть, какъ можно скорѣе, гоню ихъ прочь, и съ радостью чувствую, какъ начинается одолевать меня дрема.

19 іюля.

Разбудивъ меня ровно въ половинѣ пятаго, заботливая Наталья объявляетъ, что приготовила мнѣ ванну и для того, чтобы я скорѣе очухался отъ сна, разомъ раскрываетъ гардины. Солнечный свѣтъ ослѣпляетъ. Я вскакиваю, бѣгу въ ванную, быстро окунаюсь, затѣмъ проглатываю кофе и завтракъ и въ началѣ шестого, вы-

спавшійся и свѣжій, готовъ съ новымъ запасомъ энергій, начинать трудовой день.

Прежде, чѣмъ уйти, я обхожу всю квартиру. Съ нею у меня связано столько дѣтскихъ и отроческихъ воспоминаній! Въ этихъ стѣнахъ мною жадно прослушано столько боевыхъ воспоминаній, мастерски рассказанныхъ моимъ дѣдомъ, георгіевскимъ кавалеромъ и дважды раненымъ участникомъ трехъ кампаній. Я снова ихъ неерживаю и мнѣ живо представляется Малаховъ Курганъ, Гунибъ, Плевна, Горный Дубнякъ... Теперь настаетъ мой чередъ, его внука, носящаго его фамилію. Про какіе бои я буду рассказывать и буду ли я имѣть право съ такой же гордостью говорить о моемъ въ нихъ участіи?

Попрощавшись и поблагодаривъ Наталью, схожу внизъ. Здѣсь меня поджидаютъ швейцаръ Карлъ Ивановичъ и старшій дворникъ Нилъ, чтобы попрощаться и пожелать мнѣ всего добраго. У подъѣзда ждетъ, предусмотрительно ими приведенный, извозчикъ.

Петербургъ, несмотря на ранній часъ, взбудораженъ и живетъ уже полной жизнью. Далѣе — Царскосельскій вокзалъ, поѣздъ, извозчикъ, везущій меня на Софійскій плацъ, и снова точное повтореніе вчерашняго дня въ полныхъ подробностяхъ... На плацъ заходили въ разное время лейбъ-гусары Павловъ и Святополкъ-Мирскій и звали меня завтракать къ нимъ въ собраніе, но пришлось отказаться — слишкомъ дорога каждая минута.

Днемъ шла пріемка лошадей отъ жителей города Царскаго Села. Среди нихъ проводили сѣраго коня, верхового типа съ примѣсю арабскихъ кровей. Рядомъ съ нимъ шла миловидная барышня лѣтъ 17, видимо очень взволнованная. Когда коня осматривали, она старалась насъ убѣдить, что онъ слабъ, нѣженъ и не сможетъ перенести тягостей войны. Услышавъ слово «годепъ», она залилась слезами, прижалась къ лошадиной мордѣ и цѣловала ее, не отрываясь, прямо въ ноздри. Затѣмъ подбѣжала ко мнѣ и стала умолять, чтобы я коня взялъ въ свою часть, т. к. она только въ этомъ случаѣ почему

то была бы за него спокойна. По статьямъ конь намъ подходилъ и я охотно исполнилъ ея просьбу, передавъ его пріемщикамъ нашего полка.

Сегодня работу кончили мы позднѣе и только сѣвъ въ поѣздъ около 10 часовъ вечера на ст. Александровской, куда я проѣхалъ изъ Царскаго на извозчикѣ, я попалъ къ себѣ въ Гатчину.

Панюта своей расторопностью превзошелъ всѣ мои ожиданія — всѣ порученія были имъ блестяще выполнены. Мои комнаты стали абсолютно пустыми; стояла лишь среди голыхъ стѣнъ кровать, которую Панюта собирался завтра утромъ увезти на извозчикѣ.

Кромѣ того, онъ мнѣ доложилъ, что эскадронъ грузится завтра днемъ, въ которомъ часу — мнѣ сообщать по телефону, и что командиръ эскадрона до этого времени просилъ меня не беспокоиться.

Спалъ я отвратительно. Тяжело мнѣ далась рыба, принесенная намъ въ Царскомъ на завтракъ. Цѣлую ночь въ бреду проходили и давили лошади сѣрыя, гнѣдыя, буланья...

20 іюля.

Проснувшись рано, сейчасъ же протелефонировалъ въ эскадронъ, чтобы получить подтвержденіе всему доложенному мнѣ вчера Панютой. Узналъ, что погрузка назначена на военной платформѣ въ 5 ч. дня. Выступленіе эскадрона въ 4; а также, что полковой казначей проситъ меня утромъ заѣхать въ канцелярію, чтобы получить причитающіяся по мобилизаціи деньги.

Только я успѣлъ одѣться, какъ ко мнѣ пріѣхалъ Христіани, съ которымъ я семь лѣтъ воспитывался въ одномъ классѣ въ Корпусѣ и вышелъ вмѣстѣ въ полкъ. Послѣдній годъ провелъ онъ въ Петербургѣ въ Академіи и теперь по мобилизаціи вернулся снова въ ряды полка. Своего деньщика Мокіенко онъ послалъ съ вещами въ эскадронъ, а самъ заѣхалъ прямо ко мнѣ.

Я надѣлъ амуницию и вышелъ изъ дому, чтобы больше уже не возвращаться.

Сперва мы вмѣстѣ съ Христіани направились въ полкъ. Дорога туда изучена за четыре года до мельчайшихъ подробностей. Сначала ѣдемъ тихими уютными улицами, обсаженными березами; вдоль улицъ, въ глубинѣ, за палисадниками, скромныя деревянныя дачи. Затѣмъ дорогой между двумя стѣнами зелени — дворцовымъ паркомъ и городскимъ, называемымъ «Пріоратъ». Налѣво на холмѣ весь въ зелени, выкрашенный въ сѣросиній цвѣтъ, большой домъ, гдѣ на флагштокѣ виситъ флагъ, имѣющій форму и цвѣта нашего полкового флюгера. Въ этомъ домѣ со временъ Императора Павла живутъ наши полковые командиры. Опускаемся внизъ на мостъ черезъ протокъ между озерами. Налѣво, словно въ зеркало, смотрится въ уснувшія свѣтлыя воды игрушечный пріоратскій дворецъ, въ которомъ жилъ во времена Павла, единственный женатый, мальтійскій рыцарь, графъ Литта. Затѣмъ круто поднимаемся вверхъ и поворачиваемъ направо по улицѣ, по которой справа стоитъ Гатчинскій дворецъ, а слѣва, противъ него, расположенъ нашъ полкъ.

Слѣзаемъ у канцеляріи, получаемъ въ ней, что причитается, и идемъ въ свой № 4 эскадронъ, гдѣ мы числимся младшими офицерами. Нашъ полкъ четырехэскадроннаго состава. Два эскадрона уже ушли на погрузку. Кирасиры двухъ еще не тронувшихся отдыхаютъ послѣ непрестанной горячей работы за время мобилизаціи. Сразу бросается въ глаза щегольской видъ людей, — имъ выдали все новое, первосрочное. Непривычно видѣть на нихъ фуражки съ козырьками и защитнаго цвѣта; наша дивизія носить и лѣтомъ и зимой фуражки съ бѣлыми верхами.

Въ казармахъ — видъ запустѣнія, — все, что въ нихъ было — сложено и снесено въ полковые цейхгаузы и сараи. Заходимъ въ собраніе; оно уже приняло нежилой видъ; всюду на мебели чехлы; столы и стулья сложены, жалюзи опущены. Заходимъ въ залъ. Высоко

на стѣнахъ красуются славныя имена Лѣсной, Полтавы, Аустерлица, Бородина и другихъ мѣстъ боевъ, въ которыхъ нашъ полкъ принималъ участіе за свою вѣрную двухвѣковую службу Россійскимъ Императорамъ, — тѣхъ боевъ, въ которыхъ ковались мощь и величіе Россійской Имперіи. Я показываю на нихъ Христіани, говорю — «названіями какихъ мѣстъ придется вновь украсить эти стѣны» — и ощущаю снова то же, что и вчера утромъ, чувство щемящаго волненія.

Рѣшаемъ съ Христіани сначала поѣхать купить защитныя фуражки, а затѣмъ сдѣлать прощальныя визиты полковымъ дамамъ. Въ отдѣленіи Гвардейскаго Экономическаго Общества достаемъ готовыя фуражки, а свои оставляемъ съ просьбой сохранить, т. к. дѣвать ихъ намъ уже некуда.

Балицкіе оставляютъ насъ у себя обѣдать и мы сидимъ у нихъ до половины четвертаго. Серега Балицкій, нашъ однополчанинъ, завѣдуетъ дивизіонной конно-саперной командой и грузится съ ней только завтра вечеромъ.

Въ послѣдній разъ противъ своихъ конюшенъ строится мой родной эскадронъ, въ которомъ я подробно знаю каждого кирасира и каждую лошадь. Четыре года тому назадъ я вышелъ въ полкъ и сразу былъ назначенъ въ № 4-й. Первые два года я обучалъ новобранцевъ, годъ былъ въ учебной командѣ, и послѣдній годъ завѣдывалъ развѣдчиками.

Какъ всегда, подѣхали, по очереди старшинства, офицеры, здороваясь съ людьми и затѣмъ командуя «смирно» слѣдующему по старшинству офицеру. Подѣхавъ къ эскадрону, я невольно залюбовался имъ, — одинъ къ одному, щегольски одѣтые, съ прекрасно пригнанной амуницией, отлично выравненные четыре полныхъ шестнадцатирядныхъ взвода.

Въ гвардіи каждый полкъ имѣетъ свой типъ и самъ корпусный командиръ лично разбиваетъ людей по частямъ, руководствуясь типомъ полка, то есть внѣшностью и ростомъ. Въ нашъ полкъ поступаютъ люди 2-хъ

аршинъ 8 и 9 вершковъ, смуглые, темнаго цвѣта волосъ, длинноногіе и хорошо сложенные. Оттого и такая подбранность одинъ къ одному нашихъ молодцовъ. Лошадьми полкъ комплектуется рыжей масти отъ 2 арш. 5 верш. и выше.

Раздалась команда: «шашки вонъ, пики въ руку». Эскадронъ отчетливо, какъ одинъ, вынулъ шашки, блеснувъ клинками на солнцѣ, и двинулъ впередъ пиками, встрѣчая своего командира. Вложивъ, по командѣ, шашки въ ножны, эскадронъ замеръ смирно. Командиръ сказалъ нѣсколько словъ о томъ, что пришло время на дѣлѣ доказать свою вѣрность присягѣ и не посрамить двухвѣковую славу нашего родного полка; затѣмъ снялъ фуражку и перекрестился. Всѣ чины эскадрона, и офицеры, и кирасиры, истово и медленно, осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ.

Здѣсь, я полагаю, наступила та грань, когда отъ кропотливой, заполняющей все время, работы по мобилизаціи, когда нѣтъ времени о чемъ нибудь и подумать, люди получили возможность задуматься надъ тѣмъ новымъ, передъ чѣмъ они предстали — войной со всѣмъ, что она съ собой несетъ.

Справа по три нашъ эскадронъ идетъ по улицамъ Гатчины, направляясь къ военной платформѣ. Толпа, насъ провожающая, достигаетъ уже нѣсколькихъ сотъ. День ясный, безвѣтренный; солнце щедро льетъ на насъ свои лучи. Изъ открытыхъ оконъ бросаютъ цвѣты. Старушки крестятъ насъ широкимъ крестомъ; на глазахъ у нихъ слезы.

Доходимъ до мѣста посадки, спѣшиваемся и разсѣдываемъ лошадей. Командиръ эскадрона поручаетъ мнѣ сдѣлать разбивку по вагонамъ. Оканчиваю ее и развожу эскадронъ. Люди строятъ изъ рельсъ и шпаль мостки. Когда они готовы, начинаемъ погрузку лошадей. Со многими приходится много возиться. Если не помогаетъ попона, накинутая на глаза, или проводка вплотную на хвосту у спокойно идущей лошади — люди, подперевъ коня сзади нѣсколькими подпругами, втягива-